
Дальгарно Дж. Искусство знаков : или универсальный характер и философский язык... (гл. v–vi) / пер. с лат. и примеч. Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина ; под общ. ред. Н. А. Осминской // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2025. — Т. 9, № 3. — С. 363–385.

ДЖОРДЖ ДАЛЬГАРНО
ИСКУССТВО ЗНАКОВ*

ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ ЯЗЫК,
ПОСРЕДСТВОМ КОТОРЫХ ЛЮДИ, ГОВОРЯЩИЕ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ,
СМОГУТ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ НАУЧИТЬСЯ СООБЩАТЬ
ДРУГ ДРУГУ ВСЕ СВОИ МЫСЛИ (КАСАТЕЛЬНО ВСЕМ ЗНАКОМЫХ
ВЕЩЕЙ), КАК ПИСЬМЕННО, ТАК И УСТНО, НЕ МЕНЕЕ ЯСНО, ЧЕМ НА
СВОЕМ РОДНОМ ЯЗЫКЕ. ПОМИМО ТОГО, ПРИ ИХ ПОМОЩИ МОЛОДЫЕ
ЛЮДИ СМОГУТ ОСВОИТЬ НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ И НАУЧИТЬСЯ
ПРАВИЛЬНО ПРИМЕНЯТЬ ЛОГИКУ ГОРАЗДО ВЫСТРЕЕ И ЛЕГЧЕ,
НЕЖЕЛИ ИЗУЧАЯ ОВЫЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
(гл. v–vi)

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-363-385.

ГЛ. V.
ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦ¹

Поскольку сейчас я пишу лишь для ученых мужей, которым достаточно и немногих слов, я не буду тратить время, вдаваясь в длительное обсуждение природы единичных понятий и относящегося к ним метода, но только обрисую в общих чертах этот ряд вещей, кратко пояснив причины моего несогласия с общераспространенным мнением по некоторым вопросам и опустив то, что очевидно.

Согласно всем наиболее рассудительным философам, имеется один высший род и первое и наиболее общее понятие, которое мы обычно

*Перевод глав i–iv опубликован ранее: *Дальгарно Дж.* Искусство знаков : или универсальный характер и философский язык... (гл. i–iv) / пер. с лат. Н. А. Осминской, Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина, В. А. Янина // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 331–382. Перевод: © Э. Б. Рахманкулов, Р. Д. Идрисова, И. С. Онегин, под общ. ред. Н. А. Осминской (ORCID: 0000-0001-5259-5841). Оригинал: *The Works of George Dalgarno of Aberdeen.* — Edinburgh : T. Constable, 1834. — P. 48–59.

¹Перевод Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина, под общей редакцией Н. А. Осминской. Примечания Н. А. Осминской и Э. Б. Рахманкулова.

называем *сущим* или *вещью* [*Ens, seu Res*]. Однако относительно первых видовых отличий, которые делят *сущее*, я придерживаюсь иной точки зрения, нежели они. Ведь среди нас, людей, различия во мнениях возникают сразу же, как только обнаруживаются различия в самих вещах. Они учат, что первоначально *сущее* делится на *существующее само по себе* [*substare*] и *существующее приходящим образом* [*accidere*]. Однако мне кажется, что невозможно составить совершенный предикаментальный ряд, в соответствии с которым можно будет правильно приписывать предикаты, если мы не примем более широкие по своему охвату видовые отличия, которые надлежащим образом делят *сущее* на наиболее общее понятие и признак [*sub conceptu et respectu communissimo*]. Эти видовые отличия я называл *абстрактным* сущим и *конкретным* сущим, или *простым* и *составным*, или *нецелостным* [*incompletum*] и *целостным* [*completum*] состояниями вещи. В свою очередь, нецелостное сущее посредством второго деления делится на *субстанцию* и *акциденцию* — если только кто-то не предпочтет использовать *трихотомическое* деление на *субстанцию*, *акциденцию* и *составное сущее*, которое в этом и в некоторых других случаях не менее совершенно, чем дихотомическое. Основание моего несогласия заключается в том, что всякий раз, когда род приписывается низшему виду, будь то непосредственно или опосредованно, из его понятия исключается отличительный признак противоположного рода, так же как этот признак исключается из понятия вида, которому этот род предиктируется. Поэтому правильно утверждать «камень есть тело, следовательно, исключает всякое понятие духа»; «камень есть неодушевленное, следовательно, исключает всякое понятие одушевленного». Однако ложным будет утверждение «камень есть субстанция, следовательно, исключает всякое понятие акциденции», ибо понятие *акциденции* в не меньшей степени присуще камню, чем понятие *субстанции*, по крайней мере, согласно наиболее распространенному сегодня мнению, отрицающему материальные субстанциальные формы². Итак, поскольку о камне в соответствии с его

²Согласно Фоме Аквинскому, материальные вещи обладают целостной формой, включающей собственно субстанциальную форму и материю: «...сущность есть то, что обозначается посредством определения вещи; но определение физических субстанций содержит не только форму, но и материю, поскольку в противном случае физические и математические определения не различались бы. И нельзя сказать, что материя в определении физической субстанции полагается как нечто добавленное к ее сущности или сущее вне ее сущности, поскольку этот способ определения принадлежит акциденциям, которые не имеют совершенной сущности (потому-то и требуется, чтобы в определении акциденций

природой не может быть сказано, что он является либо *субстанцией*, либо *акциденцией*, представляется разумным, чтобы в основание предикаментального ряда, который мог бы предикцироваться этим понятием в соответствии с их природой, было положен другой родовой принцип [ratio Generica]. К этому же сводится мнение тех, кто делит субстанцию на *нецелостную* и *целостную*. Однако, на мой взгляд, — если следовать строгим предикаментальным законам — они выражают эту мысль менее подходящим образом.

При делении понятия *конкретного* (это слово я буду использовать в дальнейшем вместо слова *субстанция*) философское рассуждение, очевидно, можно строить тем же образом, что и при делении понятия *сущего*. Во-первых, можно делить его дихотомически, а именно на *менее совершенное* и *более совершенное*. Менее совершенное включает конкретные сущие, обычно именуемые *телесными* субстанциями, и отделенные от тела *духи*, более совершенное — человека, то есть конкретное сущее, составленное из этих нецелостных. По этой и другим причинам, которые здесь нет необходимости упоминать, человек представляется мне поистине совершеннейшим из всех творений. Во-вторых, можно делить понятие конкретного сущего трихотомически, а именно на *телесное*, *духовное* и *составное*. Здесь относительно понятия *человека* также следует заметить, что его неудачно располагают в предикаментальном ряду под опосредующим родом *животного* и, следовательно, под родом *телесной* субстанции: ведь если бы предикация «человек есть телесная субстанция» была истинной, то из этого бы следовало, что из понятия *человека* необходимо исключается всякое понятие *духа*³.

был включен субъект, не принадлежащий их роду). И так, ясно, что сущность объемлет и материю, и форму» (Фома Аквинский, Апполонов, 2004: 141). Представители нового механистического естествознания отвергали понятие субстанциальных форм и сводили определение материального тела к понятиям величины, фигуры и движения; см. также сноску 4.

³Таким образом, Дальгарно считает несостоятельными объяснения схоластов, согласно которым подчиненные понятия вида могут обозначать вещи, обладающие большими совершенствами, нежели те совершенства, которые мыслятся в родовом понятии. Действительно, в тексте «О сущем и сущности» Фома Аквинский указывал, что род выражает сущность вида в целом, однако неопределенно и в неразличенности. Поэтому, с точки зрения Фомы, хотя человек и подчиняется более общему понятию «живое существо» и родовому понятию «тело», поскольку оно мыслится как часть живого существа, он отличается от тела, понимаемого как род, так как тело «не может быть родом в том же смысле, в каком является интегральной частью» (там же: 145). Соответственно, согласно Фоме, «в реальности случается так, что то, что обладает одним совершенством, способно приобрести также и дальнейшее совершенство. Например, человек, обладающий чувствен-

Конкретные материальные сущие я делю на *математические, физические и искусственные*. Меня всегда удивляло, что те математические понятия, которые я здесь отнес к *конкретным*, у философов считаются *акциденциями*. Неужели есть тот, кто не воспринимает ясно слова «точка», «линия», «плоскость» и т. п. как *конкретные сущие*, если они обозначают *субъект и форму*?⁴ Поэтому высказывание «линия есть длина» является либо тавтологичным, либо ложным.

Относительно этих понятий нужно заметить, что имена телесных вещей, для которых *количество* или *фигура* являются признаками, определяющими их сущность, надо подбирать следующим образом⁵: напри-

ной природой, обладает также и дальнейшим [совершенством] — разумной [природой]» (Фома Аквинский, Апполонов, 2004: 145).

⁴Здесь Дальгарно представляет предшествующую традицию в очень упрощенном виде, поскольку в перипатетико-схоластической философии математические сущности, хотя и относились к акциденциям, тем не менее обладали отличным от других акциденций онтологическим статусом. Аристотель в «Метафизике» (кн. 5, гл. 13) указывает, что «одни вещи называются количеством самим по себе, другие — как привходящие (например, линия есть некоторое количество само по себе, а образованное — как привходящее). Из тех вещей, которые суть количество само по себе, одни таковы как сущности (например, линия есть некоторое количество, ибо в определении, обозначающем, что такое линия, содержится „некоторого рода количество“, другие суть свойства и состояния такого рода сущности (например, многое и немногое, длинное и короткое, широкое и узкое, высокое и низкое, тяжелое и легкое и остальное тому подобное)» (Аристотель, Кубицкий, 1976: 165). В период высокой схоластики, в частности у Фомы Аквинского, количество считалось такой акциденцией, которая может существовать отдельно от субстанции, что имело важное значение в догматической сфере в связи с вопросом о пресуществлении Святых Даров. Количество также рассматривалось как условие индивидуации. В философии Нового времени количество уже у Ф. Бэкона определяется не как акциденция, а как сущностная форма материи: «Ведь количество, которое составляет предмет математики, приложенное к материи, является своего рода мерой природы и одной из причин множества явлений в природе, поэтому его следует отнести к сущностным формам» (Бэкон, Федоров, 1971: 248). Галилео Галилей в «Диалоге о двух главнейших системах мира» (1632) устами коперниканца Сальвиати утверждает, что «человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чисто математические науки, геометрия и арифметика» (Галилей, Долгов, 1948: 89). Подробнее о понятии количества в философии раннего Нового времени в связи с формированием нового естествознания см.: Leinkauf, 2017: 1639–1642.

⁵Нижеследующие фрагменты, объясняющие процесс создания знаков философского языка, могут показаться особенно трудными. Для облегчения понимания этих фрагментов читателю предлагается обратиться к грамматико-философскому лексикону (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 335–349). В нем представлен список так называемых «примитивов» философского языка, которые организованы посредством установления родо-видовых отношений между понятиями и из которых затем должны складываться сложные знаки. В помощь читателю примеры, которые приводит Дальгарно, сопровождаются ссылками на конкретные фрагменты лексикона.

мер, «искра», «песок», «пыль», «капля» — *tamnnt*, *tamnnf*, *tamnot*, *tamnim*⁶ и т. д., то есть «точка огня», «точка камня» и т. д., либо «линия огня», «линия древесины» или какой угодно материи, когда преимущественно подразумевается длина. Таким же образом лист бумаги, металла, золота относится к плоскости.

Что касается конкретных *физических* сущих, то здесь я следовал общепринятому методу, который заключается в том, чтобы располагать все простые тела под одним родом. И я не считал необходимым добавлять такое родовое слово, как «элемент», поскольку это понятие может быть в полной мере выражено как *neim grvromp*⁷. Небо я разделил всего на три части⁸. И я не считал необходимым устанавливать корневые слова для всех созвездий (их имена устанавливаются искусством), ведь понятие созвездия достаточно удобно выразить как *asind*⁹, «собрание звезд». В соответствии с этим имена отдельных созвездий следует устанавливать посредством описания формы, числа, расположения или иной наиболее ярко выраженной акциденции, например: *asind vai*¹⁰ — «плеяды», и т. д. — эту задачу я возлагаю на астрономов. Также и в других искусствах имена понятий искусств я предоставляю устанавливать людям, в этих искусствах сведущим. Ведь едва ли от какого-либо одного человека можно ожидать, что он справится с этим предприятием по установлению подходящих имен понятий всех искусств, которое заключается в составлении описаний из первых понятий. И осуществить это с такой степенью ясности, которая только достижима, можно либо посредством одного слова с помощью деривации или композиции, либо, если природа вещей этого не позволяет, с помощью перифразы посредством нескольких слов.

⁶ *Mat* — «точка»; *nnt* — «огонь»; *nntf* — «камень»; *not* — «земля»; *nim* — «вода» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 336–337).

⁷ *Neim* — «простое неодушевленное конкретное физическое сущее»; *grvp* — «порча»; *otr* — грамматическая флексия, образующая прилагательное, обозначающее подверженность определенному действию (там же: 336, 343, 347).

⁸ Дальгарно отказывается от аристотелевско-птолемеевской космологической модели, согласно которой надлунный мир представляет собой систему гомоцентрических сфер, число которых у разных авторов варьировалось. В гл. 8 кн. 12 «Метафизики» Аристотель говорит, что в соответствии с разными видами движения небесных тел небо может быть разделено либо на пятьдесят пять, либо на сорок семь сфер (Аристотель, Кубицкий, 1976: 313–314).

⁹ *As* — «звезда»; *ind* — грамматическая флексия, указывающая на некоторое множество вещей одной природы (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 336, 347).

¹⁰ *Vai* — «семь» (там же: 335). Подробнее образование числительных в универсальном языке Дальгарно обсуждает в главе VI.

Я не обсуждаю вопрос о том, существует ли элемент огня, но следую в этом общераспространенному мнению. То же касается и того, должны ли те части, которые я определил, строго говоря, называться и различаться между собой именно так, а не иначе. Я хорошо понимаю, что если принять существование элемента огня, то в таком случае не существует ни *дыма*, ни *пепла*, ни *золы* — тем не менее нет никого, кто бы не признавал, что эти понятия указывают на то, как для нас проявляется сущность огня. Таким образом, я не стану утверждать, что эти части в строгом смысле слова различны. Ведь мне известно, что *дым* и *пепел* различаются между собой только как *разреженное* и *уплотненное* состояния одной и той же вещи. Или, если кто-то будет настаивать на том, чтобы я выразил эту мысль иначе, *дым* есть не что иное, как *точки* (в философии правильнее называть их так, а не *атомами*) горячей материи, разделенные и рассеянные под сильным воздействием тепла, а *пепел* — собрание этих рассеянных точек в небольшом пространстве. Выше я уже представил обоснование того, почему все понятия, которые в действительности являются *составными*, я не рассматриваю здесь в качестве таковых¹¹. И если бы мы стали подробно обсуждать метод и место каждого из этих понятий в предикаментальном ряду, мы обсуждали бы это вечно. Поэтому, повторяю, в этом вопросе необходимо допустить значительную степень произвольности. Итак, принимая во внимание все эти соображения, я не побоюсь утверждать, что использование этих понятий для обозначения *частей* огня является оправданным и полностью соответствует поставленной мной задаче. И я хотел бы, чтобы это учитывалось при рассмотрении других частей этих таблиц. Памятуя о своем обещании, я уже не буду вдаваться в их подробное объяснение, а только ограничусь объяснением *конкретных физических сущих* в виде кратких замечаний.

¹¹Вероятно, здесь Дальгарно отсылает читателя к главе IV «Искусства знаков», где он рассуждает о методе построения предикаментального ряда. Аналитический метод, состоящий в нахождении первых простых понятий из сложных, неприменим к созданию универсального языка по двум причинам: посредством подбора простых понятий и их комбинирования было бы очень трудно выразить все взаимоотношения элементов в сложном понятии, и имя получившегося понятия было бы слишком длинным, так как каждому элементу должна была бы соответствовать как минимум одна буква (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 375–376). Поэтому Дальгарно решил пойти «средним путем» и избрать для составления лексикона только определенное число самых общих понятий, которые обозначил корневыми словами, используемыми для составления сложных слов (там же: 377).

Во-первых, в разделе о *травах* я следовал Зеннерту¹², в разделе о *деревьях* — Спигелию¹³, в разделе о *животных* — Йонстону¹⁴. Во-вторых, из всех различий и сходств конкретных физических сущих, которые

¹²Даниэль Зеннерт (1572–1637) — немецкий врач и натурфилософ, стремившийся соединить в своем учении взгляды Аристотеля, Галена и Парацельса. Видоизменения живых тел (в частности, рождение и умирание) Зеннерт сводил к химическим процессам, в которых участвуют мельчайшие частицы природы (но не атомы Демокрита), образующие в совокупности иерархическую систему различных жизненных форм. Вероятно, Дальгарно имеет в виду сочинение Зеннерта «*Epitome naturalis scientiae*» (1618), в котором, следуя распространенному в то время в ботанике делению растений на четыре рода (деревья, кустарники, полукустарники и травы), Зеннерт описывает 39 классов растений (Sennert, 1618: 437–494). На труды Зеннерта часто ссылался Ян Коменский; подробнее о влиянии Зеннерта на Коменского см.: Reber, 1896: XVII–XVIII.

¹³Адриан ван ден Спигель (Спигелиус) (1578–1625) — итальянский хирург, анатом и натуралист фламандского происхождения, автор двухтомного сочинения «*Isagoges in rem herbariam libri duo*» (1606), которое считается первым документальным свидетельством применения экспериментального подхода в ботанике. В частности, в нем впервые описываются различные опыты с растениями и даются подробные рекомендации по составлению гербариев. Таксономия растений у Спигелия была тесно связана с медицинскими и педагогическими задачами. Считается, что никто из предшествующих поколений не внес такого вклада в систематизацию растений, как Спигелий (подробнее о вкладе Спигелия в ботанику и научную таксономию Нового времени см.: Ogilvie, 2006: 71–74, 186–192, 222–228).

¹⁴Ян Йонстон (Джонстон) (1603–1676) — врач и натурфилософ шотландского происхождения, сторонник экспериментального естествознания и философии Фрэнсиса Бэкона, автор неоконченного энциклопедического пятитомного сочинения «*Histotia naturalis animalium*» (1650–1653), которое вплоть до выхода в свет «Системы природы» (1758) К. Линнея было самым популярным научным трудом по естественной истории животных. Текст сопровождался большим количеством гравированных иллюстраций, что способствовало успеху этого издания у широкой публики. Йонстон был близким другом Яна Амоса Коменского (в 1636 г. Йонстон поселился в польском городе Лешно, где Коменский проживал в 1628–1640, 1648–1650, 1654–1656 гг.). Йонстон также состоял в переписке с популяризатором идей Коменского в Англии Самуэлем Хартлибом, с которым был знаком Дальгарно (подробнее о переписке Йонстона и Хартлиба и перевод писем см.: Jonston, Hitchens et al., 2000).

Примечательно, что Джон Уилкинс упоминает имена других естествоиспытателей, на труды которых он опирался в своей классификации растений и животных: «Среди всех я не могу не упомянуть особую помощь, которую получил при составлении таблиц животных от самого выдающегося ученого и любознательного джентльмена, достойного члена Королевского общества, мистера Фрэнсиса Уиллоуби, который посвятил свои усилия исследованию и описанию различных видов животных во время своих недавних путешествий по наиболее значимым частям Европы и, благодаря его собственным наблюдениям, способствовал значительному развитию этой области знаний и добавил много нового к тому, что ранее было сделано самыми известными авторами, изучавшими этот предмет. Что касается самых сложных Таблиц Растений, то в их составлении я получил такого же рода помощь от его спутника в путешествиях мистера Джона Рея, бывшего студента Триинити-колледжа в Кембридже, который, обладая самыми обширными познаниями,

можно найти у этих авторов, в таблицы я включил только самые основные. Сколь неуместным было бы следовать этим авторам во всем — поймет любой образованный человек, кто знаком с трудами этих авторов и в достаточной мере уяснил природу моего начинания. В-третьих, одна и та же вещь может быть названа несколькими именами, которые состояются из разных элементов, как, например, «слон», *νηκbeisap*¹⁵ или *νηκsofprηk*¹⁶. В-четвертых, некоторые виды едва ли могут быть с достаточной определенностью обозначены одним словом — в таком случае необходимо добавить несколько слов, что можно наблюдать во всех языках, особенно в названиях обширного семейства *растений*. В-пятых, хотя иногда случается так, что некоторые низшие виды вещей не могут быть с достаточной определенностью обозначены посредством имен, образованных от родового понятия и одного или нескольких видовых отличий, добавленных к нему и составленных из других корней, без длинной перифразы, — было бы более обоснованно с философской точки зрения и больше соответствовало бы моему замыслу (поскольку такие случаи встречаются довольно редко, а при использовании наиболее общих и употребительных понятий, на что в особенности следует обратить внимание, — еще реже) либо использовать длинную перифразу, либо же добавлять к родовому понятию полностью вымышленный отличительный признак, что больше способствует запоминанию, чем если бы все низшие виды выступали в качестве первых понятий [primitivas] и располагались в числовом порядке, ведь ничто так не обременяет память, как числовой порядок. В-пятых¹⁷, если кому-то вдруг покажется более предпочтительным составлять определения видов *природы* и *искусства* из

с большим успехом занимался развитием этой области науки» (Wilkins, 1668: To the Reader; перевод М. Рожковой под ред. Осминской).

¹⁵*Νηκ* — «непарнокопытное»; *beis* — «математическая акциденция», *ap* — грамматическая флексия, обозначающая превосходную степень сравнения (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 338, 341, 347).

¹⁶*Sof* — «без»; *prηk* — «вставать» (там же: 343, 348).

¹⁷В оригинале «в-пятых» повторяется дважды без всяких пояснений. Возможно, этот повтор связан с тем, что в этих пунктах Дальгарно описывает два разных способа составления определений низших видов природы и искусства без употребления длинной перифразы, а именно использование полностью вымышленного отличительного признака и обозначение отдельного вида посредством указания на его место в числовом ряду. Странно, впрочем, также и то, что в данном фрагменте Дальгарно говорит о неудобстве второго способа, поскольку во второй главе он утверждал, что именно числовой порядок более всего соответствует истинному методу образования языкового знака (там же: 359).

рода и места в числовом ряду, которое заменяет видовое отличие, нежели посредством видового отличия, образованного от других корневых понятий и добавленного к роду, то это можно сделать без малейшего изменения этих таблиц, а именно путем добавления к родовому слову конечных букв, обозначающих числовой порядок, например:

Nηka	}	<i>значит</i>	1. Слон,
Nηkη			2. Конь,
Nηke			3. Осел,
Nηko			4. Мул.

В-шестых, не имеет значения, что некоторые роды иногда совпадают в некоторых своих видах, ибо я посчитал необходимым включить в таблицы наиболее общие сходства вещей, пусть они иногда в чем-то и совпадают.

Что касается искусственных конкретных сущих, то, насколько я знаю, никто из философов до меня не пытался включить их в предикаментальный ряд. Еще меньше философы хотят называть их *субстанциями* (то есть конкретными сущими)¹⁸. Поскольку понятия *искусства* не менее многочисленны, чем понятия *природы*, я решил не учитывать незначительные различия и включить в таблицы некоторые родовые понятия, от которых можно было бы образовать имена низших видов посредством либо деривации и композиции, либо перифразы. При упорядочивании родовых понятий искусственных сущих я шел совершенно непроторенной дорогой. Однако я нисколько не сомневаюсь, что установленные мною здесь родовые понятия являются достаточно ясными, очевидными и различимыми между собой, чтобы охватывать все понятия искусственных вещей. Я не буду останавливаться на их объяснении, но, сделав два замечания, перейду к другому.

Как в разделе конкретных физических сущих имена низших видов образуются путем сложения корневых понятий, так и имена искусственных сущих образуются тем же самым образом, поскольку метод в обоих случаях один и тот же. Поэтому как имена для *слона*, *ко́ня*, *мула*, *осла* образуются от корневого рода *nηk* и видовых отличий, полученных из других корневых понятий, то есть *nηkbeisap*, *nηkpot*¹⁹,

¹⁸Ср. позицию Лейбница по этому вопросу, изложенную им в «Новых опытах о человеческом разумении» (Лейбниц, Юшкевич, 1983: 333–334).

¹⁹*Pot* — «мужество» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 344).

*nḥsofpaḏ*²⁰, *nḥpim*²¹, так и имена для *чашки*, *ложки*, *ночного горшка* и т. д. образуются от родового понятия *fren*²² и добавленных к нему видовых отличий: *frenpraḏ*²³, *frenneis*²⁴, *frenirem*²⁵ и т. д. Так, «дворец», «темница», «храм», «мастерская», «хижина», «спальня» выражаются как *fankan*²⁶, *fancog*²⁷, *fanskas*²⁸ (или *fansava*²⁹, или также *fanskaf*³⁰), *fanspḥa*³¹, *fanstref*³², *fanfrim*³³; и «шапка», «перчатка», «панцирь», «башмак», «брюки», «сапоги» выражаются как *freimmeis*³⁴, *freimsmvs*³⁵, *freimfeis*³⁶, *freimsmvr*³⁷, *freimsmḥr*³⁸, *freimsmēr*³⁹, — таким же образом и другие понятия выражаются посредством одного слова. Нет ни одного корневого понятия в таблицах простых понятий конкретных сущих, будь то математических, физических или искусственных, от которого, взятого в качестве рода, с помощью каких угодно отличительных признаков

²⁰ *Paḏ* — «пол» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 343).

²¹ *Pim* — «простота» (там же).

²² *Fren* — «посуда» (там же: 340).

²³ *Praḏ* — «пить» (там же: 343).

²⁴ *Neis* — «рот» (там же: 339).

²⁵ *Rem* — «моча»; в слове *frenirem* буква *i* добавляется Дальгарно для благозвучия (там же: 338).

²⁶ *Fan* — «дом»; *kan* — «царь» (там же: 339, 346).

²⁷ В алфавите языка Дальгарно буква *c* не используется. В данном случае имеется в виду слово *kog* — «заклочать» (там же: 346).

²⁸ *Skas* — «религия» (там же: 347).

²⁹ *Sava* — «Бог» (там же: 340).

³⁰ *Skaf* — «почитать» (там же: 347).

³¹ *Spḥa* — «хватать» (там же: 344).

³² Слово *Stref* в лексиконе не приведено. Можно было бы предположить, что это антоним слова *stef* — «муж» (там же: 345), который образуется с помощью прибавления буквы *r*, как это делается в языке Дальгарно, и обозначает «жена», однако остается неясным, как от этого корня могло бы логически образовываться слово «хижина». Поэтому вместо *fanstref* следует читать *fanstrḥf*, где *strḥf* — «плебейство» (там же).

³³ *Frim* — «подушка» (там же: 339).

³⁴ *Freim* — «одежда»; *meis* — «голова» (там же).

³⁵ *Smv* — «кисть» (там же). Значение конечной буквы *s* остается неясным. В алфавите философского языка Дальгарно указывает, что эта буква может обозначать общую акциденцию (в том случае, когда она стоит в начале слова и не входит в сочетание с другой согласной, как в *smv*) или выполнять служебную функцию (там же: 335). Однако служебной функцией конечной *s* является образование родовых слов и слов, обозначающих промежуточные роды акциденций (см. ниже). Функцию буквы *s* в подобном случае (*freimsmvs*) Дальгарно не проясняет.

³⁶ *Feis* — «туловище» (там же: 339).

³⁷ *Smvr* — «ступня» (там же).

³⁸ *Smḥr* — «бедро» (там же).

³⁹ *Smer* — «голень» (там же).

нельзя было бы образовать любое количество низших видов. И хотя некоторые следы такого способа именования вещей обнаруживаются во всех языках, необходимость и сама природа предписывают, чтобы это не происходило до бесконечности. Тем не менее в этом *природа* должна быть усовершенствована посредством нашего *искусства*.

Во-вторых, при составлении имен вещей следует иметь в виду, что нет необходимости в том, чтобы отличительный признак, добавляемый к роду, был целой формой вещи, которая, как учат философы, есть находящееся в вещах одно простое скрытое нечто (они сами не знают что), не воспринимаемое зрением (и даже не умопостигаемое) и не доступное ни одному пронизательному уму. Это поистине бессмысленная выдумка, ведь *формы* всех вещей, какими бы они не были, познаются нами неадекватно, ибо, если мы что-либо познаем в какой-либо вещи, то это лишь часть ее *формы*. Я говорю «часть» формы, поскольку *форма* есть не что иное, как собрание всех акциденций какой-либо вещи. Неадекватно все формы познаются нами потому, что в вещах (даже в тех, природа которых нам известна лучше всего) есть множество акциденций, качеств, потенциалов, отношений [respectus] и т. д., для нас непостижимых⁴⁰. Следовательно, будет достаточно, если добавленным к роду отличительным признаком будет такая акциденция, которая отличает вид от всех других. Сказанное выше относится к *конкретным сущим*; далее речь пойдет об *акциденциях*.

Касательно акцидентальных понятий в целом следует отметить, что наиболее естественный метод для них точно такой же, что и для конкретных сущих, а именно: первыми идут все акциденции конкретных сущих, вторыми — математические акциденции, третьими — физические и т. д., что явствует из сравнения таблицы конкретных сущих и таблицы акциденций.

Следовательно, первое место занимают понятия *логики* или *метафизики*, характеристикой которых является буква *S*. Тот, кто правильно их поймет и научится их применять, действительно будет достоин называться логиком⁴¹. У философов эти понятия принято называть *трансцендентными*. Если они подразумевают, что эти понятия суть акциденции, значение которых является общим как для *духов*, так

⁴⁰ Явный отголосок учения об идолах Ф. Бэкона, согласно которому естественный человеческий разум, будучи тесно связан с телом, не способен адекватно постигать формы вещей (Бэкон, Федоров, 1971: 237, 372).

⁴¹ В третьей главе Дальгарно указывал, что логика и метафизика составляют единое искусство (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 363).

и для *тел* без какой-либо метафоры, то я нахожу возможным так их называть, но ни в каком ином случае⁴².

Среди них первое место я отвожу *причинам вещей*, к которым я хотя и отнес больше понятий, чем это обыкновенно делают другие, однако не более, чем того требовала природа вещей. Второе место я отвел *модусам существования*. Это понятие весьма общепотребимо и часто используется, ведь оно обозначает *состояние*⁴³ [*statum, seu conditionem*], в котором находится вещь. Третье место я отвел *модусам действия*. Это понятие совершенно отлично от предыдущего, хотя логики и смешивают их и даже не проводят никакого точного различия между *акциденцией*, *качеством* и *модусом*. Однако, поскольку здесь не место подробно разъяснять отдельные понятия, я сделаю всего несколько замечаний о степенях сравнения, которые я поставил на шестое место.

Эти понятия очень часто и широко используются, ведь такое действие ума, как *сравнение*, имеет первостепенное значение в приобретении знаний о вещах: едва ли может быть высказана мысль, в которой не имели бы место аргументы *сравнения* [*Argumenta Comparata*], или причинности⁴⁴. При этом, однако, нет ни одной части логики, в которой логики были бы столь слепы, как в учении о *компаративах*⁴⁵. Даже сам Петр Рамус, по моему мнению, самый пронизательный из логиков, обсуждая этот вопрос, блуждал впотьмах, ибо при рассмотрении аргументов сравнения он должен был объяснить не только «большее» и «меньшее», но и «большое» и «малое», и «наибольшее» и «наименьшее», ведь, хотя

⁴²О понимании Дальгарно термина «трансценденция» см.: Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 368–337.

⁴³При переводе не удалось подобрать уместный в данном контексте синоним к понятию «состояние», чтобы сохранить синонимичную пару латинских терминов «status» и «conditio», указанную в оригинале.

⁴⁴Ср. у Суареса: «...ведь всякая собственная наука [то есть наука, демонстрирующая] „от более первого“ (ибо именно между этими должно делать сравнение), демонстрирует вещь через ее причины» (Суарес, Иванов, 2007: 710).

⁴⁵Ф. Бэкон также указывал на необходимость реформировать учение о компаративах. Он относил понятия «большее», «меньшее», «много», «мало», «идентичное», «различное» и т. п. к числу трансценденций и приводящих свойств сущего, изучение которых относится как к области первой философии (если эти понятия применяются к физическим предметам), так и к области логики. В последнем случае изучение этих понятий составляет часть учения об опровержении ложных толкований, которое, с точки зрения Бэкона, сводится исключительно к обнаружению ошибок в словоупотреблении и в силу этого не относится к аналитике и метафизике, «как это весьма нечетко сделал Аристотель» (Бэкон, Федоров, 1971: 321–322).

эти степени ради их различия грамматики называют *положительной* и *превосходной*, в действительности, однако, они, как и *большее* и *меньшее*, также являются сравнительными. Кроме того, эти сравнения проводятся не только в отношении *количества*, как он полагал⁴⁶. Между тем эти признаки являются трансценденциями по отношению к *количеству* и *качеству* и одинаково применимы к обоим. В самом деле, хотя слова «большее» и «меньшее» в обыденном употреблении относятся только к *количеству* вещей, чтобы нам понять истинную природу *компаративов*, мы должны отвлечься от общеупотребительных слов, дабы неоднозначность слов не вводила нас в заблуждение. Поэтому аргументы сравнения я выражаю посредством наречных слов, которые в обыденном употреблении мы по праву используем в качестве компаративов, вне зависимости от того, относятся они к *качеству* или *количеству*. Основные показатели сравнения суть следующие: «большее», «равно», «меньше». От них образуются «сильно», «умеренно», «мало», и «в наибольшей степени», и «в наименьшей степени». Так, мы говорим «более длинный» и «более белый», «столь же длинный» и «столь же белый». Правда, когда мы выражаем эти понятия с помощью имени и прилагательного, мы используем разные слова для обозначения сравнения в отношении *количества* и *качества* и говорим «*большой* огонь» [*magnus ignis*], «*сильное* тепло» [*intensus calor*] и «*большой* огонь» [*major ignis*], «*более сильное* тепло» [*intensior calor*].

Замечу, что, хотя все степени сравнения, строго говоря, могут быть сведены к «большее», «меньше» и «равно», есть также другие степени (что указывает на разнообразие степеней) и способы сравнения вещей, которые разум требует выделять в качестве отдельных логических

⁴⁶В своей знаменитой «Диалектике» (1543) французский философ Петр Рамус (1515–1572) уделяет несколько разделов акту сравнения. Дальгарно не вполне корректно воспроизводит взгляды Рамуса. Термины положительной и превосходной степеней сравнения Рамусом действительно не рассматриваются, однако сравнение в отношении качества он допускал. Об этом говорится в самом начале раздела «Диалектики», посвященного сравнению: «Сравниваемое есть то, что сопоставляется между собой. Оно может сопоставляться в отношении количества и качества. Количество же бывает равным или неравным» («Comparata, sunt quae inter se conferuntur: Ea sunt in quantitate aut qualitate: quantitas autem est par vel impar») (Ramus, 1566: 67). От рассмотрения таких терминов сравнения в отношении количества, как «равное» (*paria*), «большой» (*majus*) и «меньшее» (*minus*), он переходит к обсуждению сравнения в отношении качества: «За этим следуют сравнение в отношении качества, сходство и несходство» («Sequitur comparatio in qualitate, similitudo & dissimilitudo») (ibid.: 77). Сходные вещи Рамус определяет как те, у которых «одно и то же качество» («quorum qualitas est una»), а несходные — как те, у которых «разное качество» («quorum qualitas est diversa») (ibid.: 77, 82).

аргументов сравнения. Однако, с другой стороны, неверно утверждают, что «одинаковые», «неодинаковые», «сходные», «несходные», «равные», «неравные» являются отдельными логическими аргументами, поскольку в степенях сравнения и акте сравнения нет никакого другого различия, кроме различия в субъекте, как становится ясно из анализа следующих высказываний: «стены *подобны*», то есть «*одинаково* белые»; «эти две линии *одинаковы*», то есть «*одинаково* длинные»; «эти числа *равны*», то есть «*одинаковы* по величине или количеству». Очевидно, что в этих высказываниях логический аргумент совершенно один и тот же.

Касательно математических акциденций, характеристика которых есть *B*, отметим следующее. 1. Предлоги, которые соединяются с глаголами движения, следует смотреть здесь. Эти слова (как и все другие частицы) весьма туманны и не имеют точного значения в языках. Таковы слова «посредством», «кроме», «через», «сверху», «снизу», «к», «от», «из», «в» и т. д., значение которых здесь должно быть определено. 2. Я причислил шесть основных отличительных признаков *положения* [*situs*] к относительным терминам, которые применительно к *миру* означают «восток», «запад», «север», «юг», «зенит», «надир», а по отношению к *человеку*, *животному* или *искусственным вещам* означают «перед», «за», «справа», «слева», «сверху», «снизу».

К роду *D* я отнес те понятия, которые обычно рассматриваются физиками в разделе общей физики. О них отдельно я не буду здесь ничего говорить, помимо того, что я значительно увеличил их количество (ради большей легкости общения) по сравнению с тем, которое я нашел в трудах философов.

В род *G* я включил более частные физические понятия, то есть *чувственные качества*, которые я распределил в соответствии с порядком чувств, начиная с менее совершенных и восходя к более совершенным. Касательно них необходимо отметить следующее. 1. В обычных языках недостает родового слова для обозначения объекта *осязания*, хотя разум требует, чтобы объект *осязания* обозначался одним словом, как и *цвет*, *звук*, *запах* и *вкус*. 2. *Вкусовое ощущение* и *обоняние* настолько близки между собой, что я едва ли могу назвать их разными чувствами; также не менее обоснованно (с моей точки зрения) мнение Скалигера, что любовное вожделение [*appetitus venereus*] отличается от осязания⁴⁷.

⁴⁷Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558) — французский гуманист итальянского происхождения, последователь аристотелизма. Среди его сочинений можно выделить популярное в XVI–XVII вв. полемическое произведение «Пятнадцатая книга экзотерических упражнений

3. Поскольку основной объект *зрения* является двойким, я определил *цвет* как главный *объект*, а *свет* как подчиненный ему вид. Однако мне известно, что, согласно утверждению многих философов, скорее *цвет* — это вид *света*.

Касательно рода *P* отмечу следующее. 1. Здесь я не стал выражать внешние чувственные способности отдельными словами, так как их достаточно легко образовать от органов чувств, корневые слова которых приведены среди частей тела. 2. Если говорить с надлежащей строгостью, то родовые отличия, приведенные в таблицах, таковыми не являются, и (осмелюсь утверждать) невозможно найти такие, которые были бы применимы в моем начинании. Поэтому, исключительно в учебных целях, страсти следует разделять на *основные, менее основные, сопутствующие* и т. д. 3. Я привел перечень большего числа страстей, чем можно было отыскать у какого-либо философа, занимавшегося этим предметом. И тем не менее я перечислил только самые основные, ведь у разных людей бесчисленное множество страстей, и нет никого, кто бы не обладал такими страстями, которые не встречаются ни у кого другого. 4. Все *добродетели* следует искать главным образом здесь,

о тонкости против Джероламо Кардано» («Exotericarum exercitationum liber quintus decimus, de subtilitate, ad Hieronymum Cardanum», 1557), которое использовалось в качестве учебника по естественной философии и метафизике. В «Экзотерических упражнениях» Скалигер высказывается о природе чувств, в том числе о природе плотского вожделения. В разделе «Об осязании и вкусовом ощущении» (Упражнение CCLXXXVI) Скалигер пишет: «Древние полагали следующее: непотребны в человеке вкусовое ощущение, осязание и вожделение, ибо эти чувства являются у него общими с животными. С тем, что касается вкусового ощущения, мы согласны. Ведь кажется, что животные не думают ни о чем другом, кроме как о пище. То, что касается осязания, — неправда. Ведь только при касании рукой суждение оказывается верным и точным. Однако животные не только лишены рук, но также не испытывают любовного соблазна в какой-либо части тела, предназначенной исключительно для осязания. В действительности это другое чувство, отличное от осязания, как и вкусовое ощущение» («Veteres ita existimarunt. Damnatas in homine gustus, tactusque voluptates: propterea quod cum brutis communes essent sensus ij. De gustu assentimur. Videntur enim bestiae, nihil aliud, quam escam meditari. De tactu falsum. Solius enim manus tangendi iudicium verum, ac certum est. At bruta non solum manibus carent, verum etiam nullas percipiunt illecebras in venere aliqua parte corporis, quae soli tactui destinata sit. Alium enim est sensus ille, diversus a tactu, sicut & gustus») (Scaliger, 1852: 856). То есть, по Скалигеру, вожделение, хотя и действует посредством осязания, но все же представляет собой отдельное чувство, как и вкусовое ощущение. Само же половое возбуждение, по мнению Скалигера, «возникает только от духа» («a spiritu solo») (ibid.: 857). В лексиконе Дальгарно «вожделение» отнесено к роду чувственных акциденций и занимает последнее место в разделе «Менее основные страсти» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 344).

ведь добродетель есть не что иное, как должная умеренность движений души, а *порок* — их же недостаток или избыток⁴⁸.

Здесь, однако, я прерву нить объяснения, намеренно умолчав о многом, отчасти в силу уверенности, что ученые люди, достойные судьи сего труда, из того немногого, что было сказано до сих пор, в достаточной мере уяснят смысл моего метода в дальнейшем; а отчасти по другим причинам.

ГЛ. VI.

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЛОВ, ИЛИ О ПРИМЕНЕНИИ ЗНАКОВ К ТАБЛИЦАМ⁴⁹

Тот, кто хотел бы овладеть этим искусством и применять его на практике, должен обратить особое внимание на правила, изложенные в этой главе.

1. Как объясняется в первой главе, порядок букв необходимо твердо усвоить и держать перед глазами.

2. Я приложил все усилия к тому, чтобы установить столько высших родов вещей, сколько существует простых звуков, то есть чтобы соблюдалось соответствие их друг другу как *знака* и *означаемого*, хотя многое препятствовало моему намерению. Тем не менее я, насколько мог, соблюдал символическое соответствие [*convenientiam Symbolicam*] между *знаком* и *означаемым*, по крайней мере, при первом установлении знаков, что станет явным из их рассмотрения.

3. Высшие роды вещей обозначаются первыми семью буквами, то есть *гласными*, к которым присоединяется буква *v* для того, чтобы они различались и было возможно присоединить к словам флексию⁵⁰. В тех же случаях, когда буква *v* предшествует другим, она всегда является показателем *числительного*. При этом сама буква *v* не обозначает никакого числа и служит исключительно для отличия *числительных* от других слов. Так, *ab* — это «основание»⁵¹, а *vab* означает число 14⁵².

4. Буквы *ei* и *s* в *родовых* словах являются исключительно *служебными* и *дополнительными* и используются для образования целостного слова, ибо высшие роды конкретных сущих и акциденций обозначаются

⁴⁸ Дальгарно воспроизводит определение добродетели, восходящее к Аристотелю; ср. Eth. Nic. 1106b (Аристотель, Брагинская, 1983: 86).

⁴⁹ Перевод Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина, под общей редакцией Н. А. Осминской. Примечания Н. А. Осминской и Э. Б. Рахманкулова.

⁵⁰ См. Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 33б.

⁵¹ См. там же.

⁵² Обозначения цифр в универсальном языке см.: там же: 335.

только одной характеристической буквой. Так, буква *M* обозначает конкретное математическое сущее, *N* — конкретное физическое сущее, а *S* — общую акциденцию, поэтому к ним должны быть добавлены буквы *eis*, которые в данном случае являются служебными, например: *Meis*, *Neis*, *Seis*⁵³. В случае же промежуточных родов акциденций, у которых две характеристические буквы, ставится одна буква *S* в конце, как в словах *gos*, то есть «цвет», *gis*, то есть «звук», и т. д.⁵⁴ Так же и в случае родовых понятий *частей тела*, имена *видов* которых образуются путем добавления гласных перед родовой буквой, буквы *ei* добавляются для составления родового слова, например: *eim*, *ein* и т. д.⁵⁵ Когда же имена видов образуются путем прибавления гласных, различающих виды между собой, родовое имя образуется с помощью добавления окончания *eis*, например: *meis*, *neis*, *feis* и т. д.⁵⁶

5. Высшие роды конкретных сущих обозначаются тремя носовыми согласными, к которым должно быть добавлено окончание *eis*, чтобы получились целостные слова, о чем уже говорилось ранее.

6. Промежуточные роды конкретных сущих чаще всего многосложны, поскольку к ним прибавляются характеристические буквы низших родов. Так, при делении конкретного физического сущего на три промежуточных рода — «неодушевленное», «растение» и «животное» — три буквы *m*, *n*, *f* являются характеристиками *неодушевленного* и, соединяясь с родовой буквой *N* посредством служебного дифтонга *ei*, образуют *Neimneif*⁵⁷; например, *b*, *d* и *g* являются характеристиками *растения* и образуют *neibdeig*⁵⁸; *p*, *t*, *k* — характеристиками *животного* и образуют *Neipteik*⁵⁹.

⁵³См.: Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 336, 340.

⁵⁴См.: там же: 343.

⁵⁵*Eim* — «внешние части»; *ein* — «полезные жидкости» (там же: 338).

⁵⁶*Meis* — «голова»; *neis* — «рот»; *feis* — «туловище» (там же: 339). Эти слова и слова, обозначающие высшие роды, в универсальном языке являются омонимами.

⁵⁷В лексиконе *NeiMNeiF* — «неодушевленное конкретное физическое сущее» (там же: 336). То есть слова, обозначающие неодушевленные конкретные физические сущие, начинаются на букву *n* (так как относятся к конкретным физическим сущим) и заканчиваются на *m*, *n* или *f*, а между начальной *n* и этими тремя конечными буквами для различения видов ставится одна из гласных. Например: *NeiM* — «простое неодушевленное конкретное физическое сущее»; *nam*, *ntm*, *net*, *nim*, *not* — «небо», «огонь», «воздух», «вода», «земля» соответственно (там же). Исключением являются слова, обозначающие части этих простых неодушевленных конкретных физических сущих; об их образовании Дальгарно говорит ниже в пункте 9.

⁵⁸См.: там же: 337.

⁵⁹См.: там же: 338.

7. При составлении имен низших видов, которые в таблицах обозначены строчными характерами, на месте двух последних букв, первая из которых обозначает промежуточный род, а вторая — сам вид, могут стоять только семь гласных и девять основных согласных.

8. В таблицах конкретных существ вторая буква (то есть гласная) является характеристикой вида, а третья буква, то есть согласная — промежуточного рода. В таблицах же акциденций все обстоит противоположным образом, как видно из сравнения таблиц⁶⁰.

9. В таблицах конкретных существ имена нецелостных понятий, то есть частей вещей, также являются нецелостными и укороченными словами, состоящими из двух букв (ведь двойные буквы *fr*, *fl*, *sm*, *sn* и т. д. используются как простые и подставляются вместо простых букв из-за нехватки последних), и, насколько позволяет распределение букв, включают основную характеристическую букву своего целостного, или полного, понятия, частью которого они являются. Так, имена частей *фигуры* содержат букву *b*, которая является характеристикой фигуры. То же самое можно наблюдать в именах частей *неба*, *огня* и т. д., где для различения видов используются характеристики *s*, *r*, *l*, которые ни в каком другом случае не являются характеристиками видов⁶¹. Так же и имена частей *животного* (которое из всех природных тел является самым совершенным и, следовательно, имеет больше всего частей) составляются из букв *m*, *n*, *f*, которые являются характеристиками *животного*, и одной из семи гласных букв, иногда предшествующей согласной, а иногда стоящей после нее, служащей для различения видов⁶². Следует, однако, отметить, что распределение букв не позволяло, не создавая путаницы с другими словами, обозначить все *части* подобным образом, то есть с помощью характеристики имени их целого, или полного, понятия, как это видно на примере частей *дома* [*domus*] или *корабля*⁶³.

⁶⁰Ср. представленный выше метод образования слов, обозначающих конкретные сущие, и метод образования слов, обозначающих акциденции. Например: *DYs* — «движение удержания»; *dvm*, *dvn*, *dvf* — «висеть», «держатъ», «хватать» соответственно, где буква *D* — характеристическая буква высшего рода общей физической акциденции, гласная буква *v* — характеристическая буква низшего рода движения удержания, а конечная согласная буква варьируется, отличая один вид от другого (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 342).

⁶¹См. там же: 336–337.

⁶²См.: там же: 338–339.

⁶³В лексиконе рода частей дома нет. Скорее всего, Дальгарно имеет в виду род частей сооружения (*aedificium*) (там же: 339–340).

10. Буквы *r* и *l* в таблицах акциденций являются служебными: *r* обозначает противоположное понятие, а *l* — среднее между двумя крайностями. Таким же образом они используются в именах *частей* в таблицах конкретных сущих, однако в именах целостных, или полных, конкретных сущих [Concretorum integrorum seu Completorum] эти буквы ставятся после *f* из-за нехватки простых букв и слишком большого количества различий вещей, так же как *s* иногда добавляется в начале слов и в таблицах конкретных сущих, и в таблицах акциденций.

11. Правило о противоположных и средних понятиях применяется только в отношении акциденций и нецелостных понятий конкретных сущих. Следует иметь в виду, что основание их противопоставления не всегда является очевидным и что некоторые из них противопоставляются друг другу, хотя, строго говоря, не являются противоположными. Это делается отчасти для облегчения запоминания, но главным образом для того, чтобы их было проще соотносить с родами и обозначать подходящими словами согласно аналогии и общим правилам этого искусства.

12. Буква *I*, когда того требует благозвучие, может быть добавлена в конце слова, оканчивающегося на согласную. Таким образом, она используется исключительно ради благозвучия, если только нет необходимости присоединять ее к слову во множественном числе, поскольку одна и та же согласная не может быть удвоена без следующей за ней гласной. Таким же образом служебная буква *i* предшествует конечной согласной, которая добавляется к корневому слову в качестве грамматической флексии, если только природа слова не требует, чтобы этой согласной предшествовала другая значащая гласная.

13. Я не предлагаю никакого способа установления имен души и ангела, которые являются конкретными духовными сущими, кроме простого произвольного решения. Однако их имена достаточно отличимы от всех других слов. Я не включаю *Наиблагого* и *Величайшего* Бога в предикаментальный ряд, но его имя должно звучать либо как *sasva* — «первопричина», либо как *Avav* — «сущее сущих»⁶⁴.

14. Буква *S* в составе числительных является служебной: она встает между букв, обозначающих число, и букв, обозначающих грамматические флексии, и различает их.

⁶⁴*Sas* — «причина»; *va* — числительное «один» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 340). В лексиконе также есть отдельное вхождение для слова «Бог» — *Sava* (там же). Примечательно, что во втором случае Дальгарно составляет слово «Бог» из сочетания *sa*, которое без добавления конечной буквы *s* не является родовым словом (см. пункт 4). *Av* — «сущее» (там же: 336).

15. Поскольку любое слово, становясь частью высказывания, подвергается грамматическому изменению с помощью флексии, то чисто корневое слово есть нечто отвлеченное от какого-либо грамматического признака. Однако ради краткости я, взяв слово, состоящее из одних корневых букв, использовал его для обозначения понятий частиц. Все они образуются от корневых понятий из таблиц, что является тайной логики, раскрытой в этом искусстве.

16. Когда укороченные слова (то есть имена частей), начинающиеся с гласной, входят в состав сложного слова, в качестве отличительного признака (не родового) для различения добавляется служебная буква *i*, чтобы не происходило смешения с другими словами.

17. Что касается ударения в этом языке, то об этом можно сказать кратко. В двусложных словах предпоследний слог является долгим, в многосложных — кратким, если только он не становится долгим за счет своего положения перед двумя согласными.

18. Для отчетливого и благозвучного произнесения слов или звуков этого языка требуется только одно: точно различать семь гласных звуков и строго соблюдать правило ударения, которое было изложено выше.

19. Простое, чисто корневое слово из таблиц конкретных сущих обозначает само конкретное понятие в качестве имени в прямом падеже⁶⁵. Как было сказано ранее, такое же слово из таблиц акциденций обозначает понятие частицы.

20. При сложении родовое слово должно предшествовать видовому, например: *Nḡkbeisam*, «слон», а не *Beisamnḡk*⁶⁶; *Snnfgab*, «алмаз», а не *Gabsnnf*⁶⁷.

21. Наконец, я советую долго не останавливаться на изучении предписаний и правил, а сразу приступить к практике, ведь достаточно немного практики, чтобы то, что на первый взгляд и до применения на деле кажется сложным, предстало весьма простым. И следует иметь в виду, что, хотя знаки здесь устанавливаются не столько произвольно, сколько в соответствии с разумом, так что, будучи однажды запечатлены в памяти, они дают интеллекту знания о природах вещей, при

⁶⁵«In casu recto», то есть в именительном падеже, противопоставленном другим, косвенным, падежам.

⁶⁶*Nḡk* — «непарнокопытное»; *beis* — «математическая акциденция»; *am* — грамматическая флексия, обозначающая «степень сравнения», по своей функции схожую с элативом (пример из лексикона: *sītam* — «очень хороший» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 338, 341, 347)).

⁶⁷*Snnf* — «драгоценный камень»; *gab* — «твердость» (там же: 342).

запоминании корневых слов (что должно предшествовать практике) нет необходимости уделять особое внимание порядку вещей и знаков в таблицах, ведь есть намного более короткий путь запечатления знаков в памяти, о котором будет вкратце сказано в следующей главе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1976. — С. 63–369.
- Аристотель*. Никомахова этика / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1983. — С. 53–294.
- Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. Л. Субботина. — М.: Мысль, 1971. — С. 85–546.
- Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира Птолемеевой и Копениковой / пер. с итал. А. И. Долгова. — М., Л.: ОГИЗ-СССР, 1948.
- Дальгарно Дж.* Искусство знаков / или универсальный характер и философский язык... (гл. I–IV) / пер. с лат. Н. А. Осминской, Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина, В. А. Янина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 331–382.
- Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / пер. с фр. П. Юшкевича // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1983. — С. 47–545.
- Суарес Ф.* Метафизические диспутации, охватывающие всецелое учение двенадцати книг Аристотеля / пер. с лат. В. Л. Иванова // Метафизические рассуждения. Рассуждения I–V / пер. с лат. Г. В. Вдовиной. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — С. 657–751.
- Фома Аквинский.* О сущем и сущности // Сочинения / пер. с лат. А. В. Апполонова. — М.: УРСС, 2004. — С. 134–191.
- Jonston J.* The Letters of Jan Jonston to Samuel Hartlib / trans. by W. J. Hitchens, A. Matuszewski, J. Young. — Warsaw: Retro-Art, 2000.
- Leinkauf T.* Grundriss Philosophie des Humanismus und der Renaissance (1350–1600). Bd. 1. — Hamburg: Meiner, 2017.
- Ogilvie B. W.* The Science of Describing: Natural History in Renaissance Europe. — Chicago, London: University of Chicago Press, 2006.
- Ramus P.* Dialecticae Libri Duo, Audomari Talaei Praelectionibus Illustrati, ad Carolum Lotharingum Cardinalem. — Cologne: Matthias Iacobi, 1566.
- Reber J.* Einleitung // Comenii operum Tomus I. Joh. A. Comenii Physicae ad lumen divinus reformatae synopsis. Disquisitiones de caloris et frigoris natura. Cartesius cum sua philosophia naturali a mechanicis eversus. — Gissae: Sumptibus Emilii Roth, 1896. — I-LXXXIV.

- Scaliger I. C.* Exotericarum Exercitationum Liber xv. De Subtilitate, ad Hieronymum Cardanum. — Frankfurt : Andr. Wecheli, 1852.
- Sennert D.* Epitome naturalis scientiae. — VVitebergae, Impensis Caspari Heiden Bibliopol : Ex officina typographica Nicolai Ballij, 1618.
- Wilkins J.* An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language. — London : Samuel Gellibrand & John Marty, 1668.

Dalgarno, G. 2025. "Iskusstvo znakov [Ars Signorum]: ili universal'nyy kharakter i filosofskiy yazyk... (gl. v–vi) [Vulgo Character Universalis et Lingua Philosophica (Ch. v–vi)]" [in Russian], trans. from the Latin and annot. by E. B. Rakhmankulov, R. D. Idrisova, I. S. Onegin; ed. by N. A. Osminskaya. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (3), 363–385.

GEORGE DALGARNO

ARS SIGNORUM

VULGO CHARACTER UNIVERSALIS ET LINGUA PHILOSOPHICA
(CH. V–VI)

Translation of: *The Works of George Dalgarno of Aberdeen*. 1834. Edinburgh: T. Constable. P. 48–59.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-363-385.

REFERENCES

- Aristotle. 1976. *Metafizika [Metaphysics]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 63–369. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1983. *Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by I. V. Braginskaya, 53–294. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Bacon, F. 1971. "O dostoinstve i priumnozhenii nauk [De Dignitate et Augmentis Scientiarum]" [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, ed. by A. L. Subbotin, trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 85–546. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Dalgarno, G. 2024. "Iskusstvo znakov [Ars signorum]: ili universal'nyy kharakter i filosofskiy yazyk... (gl. i–iv) [vulgo Character Universalis et Lingua Philosophica (i–iv)]" [in Russian], trans. from the Latin by N. A. Osminskaya et al. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2): 331–382.
- Galilei, G. 1948. *Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira Ptolemeyevoy i Kopenikovoy [Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo]* [in Russian]. Trans. from the Italian by A. I. Dolgov. Moskva [Moscow] and Leningrad: OGIZ-SSSR.
- Jonston, J. 2000. *The Letters of Jan Jonston to Samuel Hartlib* [in English and Polish]. Trans. by W. J. Hitchens, A. Matuszewski, and J. Young. Warsaw: Retro-Art.
- Leibniz, G. W. 1983. *Novyye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoy garmonii [New Essays on Human Understanding]* [in Russian]. In vol. 2 of

- Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the French by P. Yushkevich, 47–545. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Leinkauf, T. 2017. *Grundriss Philosophie des Humanismus und der Renaissance (1350–1600)* [in German]. Vol. 1. Hamburg: Meiner.
- Ogilvie, B. W. 2006. *The Science of Describing: Natural History in Renaissance Europe*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Ramus, P. 1566. *Dialecticae Libri Duo, Audomari Talaei Praelectionibus Illustrati, ad Carolum Lotharingum Cardinalem* [in Latin]. Cologne: Matthias Iacobi.
- Reber, J. 1896. “Einleitung” [in German]. In *Comenii operum Tomus I. Joh. A. Comenii Physicae ad lumen divinus reformatae synopsis. Disquisitiones de caloris et frigoris natura. Cartesius cum sua philosophia naturali a mechanicis eversus*, 1–LXXXIV. Gissae: Sumptibus Emili Roth.
- Scaliger, I. C. 1852. *Exotericarum Exercitationum Liber xv. De Subtilitate, ad Hieronymum Cardanum* [in Latin]. Frankfurt: Andr. Wecheli.
- Sennert, D. 1618. *Epitome naturalis scientiae* [in Latin]. VVitebergae, Impensis Caspari Heiden Bibliopol: Ex officina typographica Nicolai Ballij.
- Suárez, F. 2007. “Metafizicheskiye disputatsii, okhvatyvayushchiye vsetseloye ucheniye dvenadtsati knig Aristotelya [Metaphysicarum disputationum, in quibus et universa naturalis theologia ordinate traditur, et quaestiones ad omnes duodecim Aristotelis libros pertinentes, accurate disputantur]” [in Russian]. In *Metafizicheskiye rassuzhdeniya. Rassuzhdeniya 1–v [Disputationes metaphysicae, Disp. 1–v]*, trans. from the Latin by V. L. Ivanov, 657–751. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [St. Foma's Institute of Philosophy, Theology & History Publishing].
- Thomas Aquinas. 2004. “O sushchem i sushchnosti [De ente et essentia]” [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, trans. from the Latin by A. V. Appolonov, 134–191. Moskva [Moscow]: URSS.
- Wilkins, J. 1668. *An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language*. London: Samuel Gellibrand & John Marty.